

КОЛДОВСКИЕ
МИРЫ

ГАЛИНЫ ГОНЧАРОВОЙ

ВЕТАНА
Дар жизни

ВЕТАНА
Дар смерти

ВЕТАНА
Дар исцеления

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

ВЕТАНА
ДАР ЖИЗНИ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Гончарова, Галина Дмитриевна.
Г65 Ветана. Дар жизни / Галина Гончарова. — Москва :
Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-206891-1

Ветана — маг жизни, теперь в этом нет сомнений, а значит, рано или поздно на нее начнут охоту ищейки Храма. Как быть? Бежать? Спрятаться от всего мира, поменять имя, забыть о своем призвании и молиться, чтобы не нашли?

Если бы это было так просто! Но маг жизни, дар которого пробудился, не может отказать в помощи больному. Никогда. Никому. А люди, они разные. И кто знает, что перевесит: благодарность или желание получить награду? Кому можно довериться и на кого положиться? Кому не страшно открыть свое сердце? И не окажется ли молодая лекарка в подземельях хамовников после очередного «чудесного» исцеления?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206891-1

© Гончарова Г.Д., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

— Вета, тебе не стоит этого делать!

— Вета, разве ты сможешь прожить на оплату труда лекарки? Это даже не смешно!

— Вета, может, тебе все же стоит остаться?!

— Вета, у тебя и дара-то почти нет. Ну куда ты лезешь?

* * *

— А-А-А-А-А-А-А!!!

Просыпаюсь с криком и понимаю, что это сон, это только сон, а меня разбудил стук в дверь. Слава Сияющему Светлому!

Стук в дверь прекращается, и неизвестный начинает выламывать мне окно. Лупит так, что аж стекло трясется, пыль из щторок вылетает... постирать бы! Эх, некогда!

— Госпожа Ветана! Госпожа Ветана, помогите!!!

Как была, в одной ночной рубашке соскакиваю с кровати и распахиваю окно.

— Сломаешь — век чинить будешь! Сейчас открою!

Бородатая морда исчезает в темноте, чтобы через две секунды рухнуть на мой порог.

— Госпожа Ветана, радость-то какая! Дома вы!

Дома я, дома.

Бородатое нечто смотрит коровьими глазами, а поскольку темно, на улице где-то за полночь, часа три ночи (точно знаю, легла в двенадцать, мазь уваривала до последних колоколов), то именитого купца по кличке

Жмых и Жмот (да-да, встречаются равно и та и другая) я опознаю не сразу. И то сказать — его сейчас и мать бы родная не узнала. Посомневалась бы — так точно. А я тем более, я-то с ним не общаюсь. Так... видела пару раз по большим праздникам...

Мужчина весь встрепан, словно его об стену били, рубаха несвежая и распахнута так, что видно волосатенькое брюшко, куртка кое-как застегнута на одну пуговицу, сапоги вообще неясно откуда...

— Госпожа Ветана, помирает!

Я привычно скрываюсь за ширмой и принимаюсь натягивать платье прямо на сорочку.

— Кто помирает?

— Так жена моя! Милочка моя! Родить никак не может, почитай, уж третьи сутки пошли...

Твою мать!!!

Выскакиваю из-за ширмы, не застегнув платье. Впрочем, купец в таком состоянии, что ему сейчас хоть обнаженную натуру покажи — не заметит. Хватаю плащ, хватаю «тревожную сумку», в которой у меня все инструменты и самые необходимые лекарства, всовываю ноги в сапожки, не тратя времени на носки, — и срываюсь с места.

За оградой моего домика ждут две лошади. Где же живет этот герой?

— Фаянсовая улица, госпожа Ветана!

ТЬфу, пропасть! Фаянсовая улица — это чуть ли не через полгорода отсюда.

— Садитесь на лошадь, — командую я.

Мужчина послушно влезает в седло. Сейчас его начинает чуть покачивать, видимо, отходняк наступает. После всплеска сил — упадок, это всегда так, но мне плевать, лишь бы не свалился по дороге! Сейчас меня другая больная ждет.

Я повыше подбираю подол (плевать сейчас на все приличия) и влезает в седло. Купец, впрочем, на мои ноги не смотрит, он мысленно находится рядом с рожающей

женой. Одной рукой хватаюсь за луку седла, второй цепляю покрепче сумку. Купец берет поводья, чтобы не тратить время на указание дороги. Ну, понеслась нелегкая!

Лошадь мчится по темным переулкам. Чтобы отвлечься от неприятных ощущений в попе, принимаюсь расспрашивать купца:

— Роды в срок начались?

— Да, госпожа!

— Ребенок один?

— Лекари говорят, что один.

— Почему сейчас за мной поехали?

Я себя, конечно, уважаю и ценю, но в Алетаре обо мне мало кто знает. Ну девчонка, ну лекарка... Да много таких! А Жмых — купчина не из бедных, мог бы и на придворного мага разориться?

Не мог бы.

Придворный маг в принципе к незнатным не ходит. А если ходит, то такие цены ломит за свои хождения, что лучше б убивал сразу. Но... Жену Жмых, видимо, любил. Потому что мага пригласили.

И услышали вердикт.

Либо жена, либо ребенок. И времени на решение — сутки, потом ни одного будет не спасти. Жмых заметался, понимая, что есть вещи, от которых не откупишься. Никакого золота не хватит, чтобы выкупить у Темного любимого человека, никакие бриллианты не отведут косу смерти.

Тут-то ему про меня и сказали. Мол, живет такая, там-то и тут-то, помогает, кому может. Попробовать-то всяко не отвалится? Когда тонешь, так и за гадюку схватишься, госпожа лекарка.

Я представила себя в роли гадюки, за хвост которой ухватился тонущий в болоте Жмых, и поняла, что дело идет к разрыву. Но долго предаваться кошмарным видениям мне не дали. Хорошая все-таки лошадь, быстро доскакали, и слуги помогли мне спешиться.

Потерев зад, я покрепче ухватила сумку, отмахнувшись от слуги, который предлагал понести ее, и вопросительно посмотрела вокруг.

Ну, куда идти?

Идти было недалеко. На второй этаж, где уже не кричала от боли, а только тихо постанывала при очередных спазмах хозяйка дома.

Молодая, наверное, симпатичная, со светлыми волосами... Больше сейчас ничего было не разглядеть. Лицо осунулось и посерело, щеки ввалились, глаза запали и покрылись красноватой сеточкой. Невидящий взгляд устремлен в потолок.

Ту грань, которая отделяет человека от животного, она уже перешла. Сейчас это было уже просто тело. Страдающее, мучающееся. И ребенку тоже было плохо. Но он еще был жив, это я точно знала.

Беру ее за тонкую кисть, вслушиваюсь в пульс, считаю токи крови...

Да, придворный маг прав. Очень скоро выбор станет безвозвратным. Либо мать — либо дитя. Но что же он ничего не сделал?!

— Дочечка, помоги!

— Тетя Сельма?

— Да, дочечка! Помоги, а? Я-то знаю, ты можешь...

Я оглядываюсь. До этой минуты я никого не замечала, кроме роженицы, а оказывается, в комнате еще полно народа.

Две пожилые женщины, по виду — повитухи, с сокрушенным видом стоящие у кровати, мужчина ученого вида, явно лекарь, тетя Сельма, две служанки из тех, что постарше и поопытнее... Нет, весь этот балаган мне не нужен.

— Помогите, госпожа!

Жмых тоже добрался до комнаты и теперь стоит, смотрит на меня умоляющими глазами.

Лекарь надменно кривит губы:

— Еще одна знахарка?! Да что они могут, эти неумехи?! Вы что, не понимаете, что надо...

Что ему надо — я не дослушиваю. Выпрямляюсь во весь невысокий рост. Даже голос начинает звучать, как у бабушки Тойри.

— Всем замолчать. Ты, — палец утыкается в служанку, — живо сюда таз с горячей водой, мне руки помыть надо. Вы двое — вон. — Повитухи покорно выходят за двери. Отлично понимают, что дело плохо пахнет, а случись что, кто крайним-то окажется? Лекарь с грамотой? Ой, вряд ли. Они и будут... Разное бывало. И били повитух, и из города выгоняли, и много чего еще...

Служанка уже умчалась. Я смотрю на лекаря.

— Что вы предлагаете? Звать мага? Когда?

— Утром он обещал прийти. А пока можно оставить женщину в покое...

— А ничего, что она мучается? — нежно уточняю я.

— До утра она доживет. Я ей дал...

Оттягиваю веко, смотрю белок глаза.

— Экстракт болотника?! Это же вредно для ребенка!

— Ребенка уже не спасти, — фыркает это... светило.

Мое терпение лопается.

— Вон отсюда!

— Что?! Да ты, женщина...

Я разворачиваюсь к купцу.

— Все вон. Сельма, останься, поможешь!

— Да какое право... — начинает было лекарь, но я перебиваю его:

— Право человека, который сейчас будет пытаться хоть что-то сделать, а не стоять в углу с умным видом. Не получится — так хоть убивайте! Но сейчас не мешайте мне работать!

Жмых усилием воли собирает и выводит лекаря из комнаты. Я вздыхаю, быстро и уверенно отмываю руки от грязи в принесенном тазике, гляжу на Сельму.

— Тетя, поможете?

— Да, Веточка. Делать-то что?

Достаю из сумки лекарства, раскладываю рядом. Красные, желтые, синие пакетики — не роскошь, необходимость. Мало ли кто тебе будет лекарства подавать, так не попутают.

Острый нож в чистой тряпице, склянка с крепким вином (последним я тут же протираю руки), специальная мазь...

— Дверь закрыть. Никого сюда не пускать. Подашь, что попрошу.

Засов с лязгом опускается в гнездо. Сельма подходит, смотрит на меня. С надеждой смотрит.

— Спаси ее, дочка. Она мне что родная...

Я молча киваю. Сельма знает, я и так сделаю что смогу. И принимаюсь привычными движениями разминать пальцы.

Ощути себя.

Ощути свою силу, слейся с миром, зачерпни полной горстью. Сила вокруг тебя, надо просто уметь ее передать тому, кто нуждается. Наш мир велик, он не оставит своих детей без помощи, просто мы разучились ее просить.

Раскрой свою душу миру. Ты это можешь.

Вдох, еще вдох.

Теперь я спокойна. Под полуприкрытыми веками вырисовывается комната. Вещи я почти не вижу. Вижу пятно рядом с кроватью — Сельма. Оно окрашено в тревожные красные тона, оранжевые, желтые, грязно-зеленые. Надо сказать потом тетушке, печень у нее пошаливать начнет. Пусть настойки пропьет.

Но это потом, потом.

Мое внимание притягивает пятно на кровати.

Сейчас эта женщина — смесь багрово-красного и черного. Оранжевые всполохи боли, черные пятна там, где скопились сгустки крови, и среди них — одно голубое пятнышко. Ребенок пока еще жив, но его пятнышко все больше затеняется розовым. Ему тоже плохо.

Настойка болотника, которую дал этот идиот, не приглушила боль. Она просто увела сознание женщины в иной мир, лишила возможности бороться, сделала слабой...

Касаюсь руками пятна, провожу пальцами.

— Желтую баночку.

В руку мне толкается привычный холод фарфора. Я открываю крышку, зачерпываю мазь, щедро размазываю ее по рукам. Я знаю, в чем дело. Ребенку еще рано выходить в мир, но что-то заставило женщину начать роды раньше времени.

Что?

Это мне потом тетя Сельма скажет. Важно то, что тело женщины уже избавилось от воды, а вот ребенка выпустить пока не может. Странно, что никто этого не понимает... А сонная настойка вообще лишила его желания двигаться и действовать.

Наношу уверенными движениями мазь, с каждым разом пробираясь все дальше и дальше. Если этого не сделать, ребенок просто разорвет мать.

Женщина под моими руками стонет, но в себя не приходит. Ну и ладно, переживем.

— Вдень нитку в иголку, возможно, придется шить, — команду я. — Нитки в желтом пакетике, осторожнее.

Я не смотрю, выполняет ли Сельма мои приказания. Вместо этого я сосредотачиваюсь на женщине. И — на крохотном голубом пятнышке. Ну-ка иди ко мне, малыш. Я знаю, там тебе хорошо, а сюда тебе вовсе даже не хочется. Ты не собираешься выползть в наш мир, где так холодно, страшно и непривычно. Но я зову — и ты подчинишься.

А еще... вот так.

Золотистые искорки силы бегут по моим пальцам, скапливаются на голубом пятнышке, скользят внутрь женщины, и я ощущаю, как шевелится ребенок. Как медленно-медленно, нехотя, он начинает свой путь ко мне. К моим рукам.

Наружу.

Женщина под моими руками вскрикивает. Даже сквозь дурман — ей больно. Конечно, милая, а ты как хотела? Это не просто так, это привести новую жизнь в мир. Эх-х, если б меня позвали раньше... Тогда бы и так мучиться не пришлось. Но здесь и сейчас я знаю, что иного выхода нет. Можно уйти и бросить роженицу. Пожать плечами и сказать, что я ничего не смогла сделать. Можно.

Но я обещала бабушке...

Пятно за моей спиной вспыхивает оранжевым. Сельма волнуется.

Я не отвлекаюсь, я продолжаю звать и чуть надавливать на живот роженицы. Ровно с той силой, с которой нужно, чтобы ребенок двинулся на выход, а я ничего не повредила. Знаю я, как в таких случаях и ребра ломают.

Роженица стонет, не приходя в себя.

Ребенок принимается пробиваться наружу — и тут женщину настигает самая страшная боль. Она вся вспыхивает красно-черным. Выгибается на кровати. Тонко, жалобно кричит...

Сейчас я не обращаю внимания на ее мучения. Мазь смягчила что могла, охладила, немного обезболела, это все, что можно сейчас сделать.

И — звать.

Еще немного, еще чуть-чуть... Резко надавливаю на опустевший уже живот. Крик разрывает уши, мешая сосредоточиться. Искры срываются с моих пальцев одной яркой вспышкой — именно этого не хватает роженице для последнего усилия.

— УА-А-А-А-А-А!!!

На руки мне выпадает комочек, выпачканный кровью, слизью, моей мазью...

Как можно скорее передаю его Сельме, выхватываю у нее из рук нитку с иглой. Все-таки без разрывов не обошлось. Кровь льет по пальцам, горячая, красная... По счастью, искры все еще со мной, так что я просто вижу, где надо шить.

Ни одна вышивальщица не работает так быстро и четко, как лекарка, стремящаяся спасти больного. Сосуд пережимается, стежки быстрые и точные. А ведь никогда мне эта наука не давалась.

Минута, другая... я понимаю, что скоро меня выкинет из этого состояния, как котенка за шкуру, спешу что есть рук. И — успеваю. Затягиваю последние узлы, перевязываю пуповину, вглядываюсь в мать и ребенка.

Ребенок здоров, хотя настойка сказала на нем не лучшим образом. На пару дней ему бы кормилицу. Мать... с той хуже. Упадок сил, разрывы, кровотечения... но лекарка должен справиться. Кормить получше, не трогать несколько дней, да... и ребенка не давать. Пока эта настойка из нее не выйдет.

Почти без сил падаю на кровать.

— Вета, Веточка...

Тетя Сельма.

— Все в порядке. Можно водички?

— Д-да... пускать их?

— Кого?

Только сейчас замечаю, что дверь содрогается под натиском чьих-то могучих плеч.

— Э...

Ответить тетя не успевает. Засов выдерживает, а вот щеколда — нет. Вылетает, прозвенев по полу. В комнату вваливается несколько человек — и замирают. Я даже знаю, что они сейчас увидели.

Тетя с ребенком на руках. Жена Жмыха на кровати — краше в гроб кладут. И я — тоже на кровати. Сил никаких не осталось. Кто бы знал, сколько у меня это забирает?!

— Милочка!!! — Жмых рвется к жене, хватает тонкую руку, сжимает что есть сил. — Да как же... Да на кого ж...

Что есть оставшихся сил, бью его кулаком по плечу. Лишь бы внимание обратил. Оборачивается ко мне. Лицо серое, глаза безумные.

— Разбудите — убью. Ей теперь пару дней отсыпаться, а потом кормить получше. Ребенка пока не давать, найдите кормилицу.

Кажется, из моего монолога он понимает только одно слово.

— Отсыпаться?! Живая?!

Глаза не закатываю, голова трещит так, что это усилие будет стоить мне сознания.

— Живая. И ребенок жив. Мальчик, да, Сельма?

— Да, Веточка. Мальчик. Здоровенький...

В следующий миг меня сгребают в медвежьи объятия. Жмых возрадовался.

— Госпожа лекарка! Да я...

Что — он, я так и не успеваю понять. Сознание все-таки гаснет, когда тело лишают последних крох воздуха.

* * *

Когда я прихожу в себя, на небе занимается рассвет.

Мое окно?

Нет, не мое. Обвожу все вокруг взглядом из-под ресниц. Незнакомая комната, но уютная и красивая. Рядом со мной сидит тетя Сельма, дремлет. Воспоминания налетают ураганом. Роды, сила, ребенок, сломанная дверь...

— Живы? — выдыхаю я.

Тетушка Сельма дергается, едва не падая на пол, потом трясет головой и пытается кинуться ко мне. Я едва успеваю вытянуть руку.

— Не надо! Устала!

Руку хватают в клещи и принимаются покрывать поцелуями.

— Доченька! Веточка! Спасибо тебе!!! Живы, и Милочка моя, и сынок ее... ЖИВЫ!!!

Вот ради таких минут и живешь. Когда понимаешь, что все правильно и не зря. Я расслабляюсь.

— Слава Сияющему Светлому!

— Ты прямо там сознания лишилась, лекарь тебя осмотрел, сказал, что устала ты сильно, тебе бы отоспаться...

— Дома отосплюсь.

Откидываю одеяло и обнаруживаю, что лежу, как была, в платье, только что без сапог.

— Тетя Сельма, поможете?

— Да куда ж ты! Спозаранку-то?! Хоть до завтрака останься!

При слове «завтрак» желудок издает такое урчание, что я вспоминаю об извержении вулкана. А дома-томышь повесилась, хлеба и того нет.

Тетя Сельма понимающе улыбается.

— Сейчас, девочка, сейчас. На кухне уже воду греют, я сейчас у них спрошу чего...

Тетя уходит, а я несколько минут лежу в мягкой кровати с роскошным кружевным бельем. Да, было и у меня не хуже. И белое кружево, и большая комната, и роскошные платья...

Все.

Не думать, не вспоминать, выкинуть все из головы раз и навсегда! И... пару минут полежать в этой кровати.

* * *

Вместо тети Сельмы в комнату заходит тот лекарь.

— Доброе утро, госпожа Ветана. Как вы себя чувствуете?

— Все в порядке, — честно отвечаю я.

— Мы испугались вашему обмороку.

Он присаживается на кровать, берет меня за руку, считая пульс. Ну, смотри-смотри, все равно ты ничего не обнаружишь!

— Я в порядке. Просто встала рано, потом весь день крутилась, вечером мазь варила, заснула за полночь, а потом такое... Ну и получился обморок, — заверяю я с самым невинным видом.

Лекарь кивает.

— Что вы сделали с роженицей?

— Ребенок неправильно лежал, я его просто повернула. Видите?